

III.

Занятіе русскими войсками пограничной турецкой территории продолжалось уже три мѣсяца, когда Порта, словно опомнившись, вдругъ объявила войну Россіи. Между тѣмъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ Портѣ, также какъ и въ занятой русскими войсками части турецкой территории, не произошло ничего такого, что могло бы вызвать въ Константинополь столь внезапный поворотъ въ сдержанной политикѣ, первоначально принятой Диваномъ. Разгадку тайныхъ побужденій, вызвавшихъ эту перемѣну, надо искать только въ самомъ Константинополѣ, а именно во вліяніи, производимомъ на Порту западными державами, особенно Англіею. Только ихъ интересамъ соотвѣтствовала рѣшительная мѣра, внезапно принятая Диваномъ. Западнымъ сосѣдямъ не оставалось другого средства, какъ побудить Турцію къ объявленію намъ войны, чтобы оправдать явное нарушеніе ихъ флотами трактата 1841 года, только въ случаѣ войны разрѣшавшаго европейскимъ эскадрамъ проходить чрезъ Дарданеллы. Съ другой стороны, для Порты исчезало тогда всякое опасеніе внезапного появленія Черноморскаго флота предъ Константинополемъ или внезапной высадки сильнаго отряда русской арміи, у входа въ Босфоръ, на незначительномъ разстояніи отъ столицы. Между тѣмъ, 13-го сентября 1853 года, получено было въ Одессѣ приказаніе перевезти на кавказскій берегъ 13-ую дивизію съ ея артиллерию, полнымъ обозомъ и 800 лошадьми, а 24-го сентября вся эта сила уже была высажена за 400 миль,

на суровый берегъ Анакріи, средствами одного паруснаго флота, при помощи лишь семи пароходовъ, изъ коихъ одинъ только былъ въ 400 силъ! *) Понятно, до какой степени подобное доказательство силы, дѣятельности и знанія своего дѣла со стороны нашего флота и подвижности нашей арміи должно было содѣйствовать развитію у Турокъ и Англичанъ опасенія насчетъ неожиданнаго десанта русскихъ войскъ въ Босфорѣ...

Въ настоящее время нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно эти опасенія турецкихъ и англійскихъ политиковъ и были *единствен-ною причиною* той сдержанной умѣренности, которую Порта, сдаваясь настоящіямъ, *преимущественно, англійской дипломатіи*, выказала по вопросу о занятіи Дунайскихъ Княжествъ русскими войсками. Не только въ Петербургѣ, но и въ Берлинѣ эти настоянія лондонскаго кабинета на необъявленіи Портою войны Россіи за занятіе Княжествъ были прославлены какъ доказательство «умѣренности и миролюбія» Англіи, что и способствовало поддержанію у насъ довѣрія къ ней! Между тѣмъ, изъ сличенія чиселъ оказывается, что именно то же опасеніе (а никакъ не небывалыя въ то время угрозы Россіи) было истинною причиной внезапнаго отправленія — опять-таки по *иниціативѣ лондонскаго кабинета* — англійскаго и французскаго флотовъ въ Базицкую бухту. Что эта рѣшимость лондонскаго кабинета не могла быть вызвана *единствен-ною угрозою*, выраженною въ то время Россіею Портъ и заключавшеюся въ нотѣ графа Нессельроде отъ 30-го іюня, — доказывается уже тѣмъ, что нота была получена въ Константинополь въ тотъ день, когда союзныя эскадры, послѣ труднаго плаванія,

*) Въ *Морскомъ Сборнике* 1855 года (№ 2) г. Шестаковъ привелъ въ параллель этотъ десантъ съ высадкою союзниковъ въ Крыму и отдалъ безусловное преимущество первому, такъ какъ союзники, располагая 100 пароходами, не считая громаднаго паруснаго флота, приготовлялись въ Варнѣ три мѣсяца, чтобы пройти всего 200 миль. Авторъ статьи, И. А. Шестаковъ (нынѣ контр-адмираль) началъ службу въ Черноморскомъ флотѣ, подъ руководствомъ Лазарева, и неоднократно командовалъ судами. Имя г. Шестакова известно въ морской литературѣ.

бросили якорь въ Безикской бухтѣ; самое же приказаніе Дундасу отправиться въ Безику было отдано 2-го іюня, когда обѣ этой нотѣ никто еще не имѣлъ никакого свѣдѣнія. Но пока Россія цѣлый мѣсяцъ колебалась исполнить свою угрозу, союзники, отправленіемъ флота въ Безику, даже не предупредивъ о томъ Россію, уже не грозили, а прямо приняли относительно насъ явно враждебную мѣру, вліяніе которой, конечно, не могло не положить предѣла колебаніямъ петербургскаго кабинета.

Таковы истинныя побужденія, вызвавшія со стороны Порты объявленіе войны. Оно состоялось лишь тогда, когда союзные флоты, накро выступившіе въ дальній походъ, успѣли въ Безикской бухтѣ вполнѣ снарядиться на войну, и затѣмъ прошли чрезъ *Дарданеллы*. Нельзя не обратить вниманія на тотъ знаменательный фактъ, что проходъ ихъ чрезъ Дарданеллы, вопреки трактату 1841 года, *не послѣдовалъ за объявленіемъ Турциею войны, а предшествовалъ ему*. Союзники знали, что, при господствовавшихъ въ то время сѣверныхъ вѣтрахъ въ Черномъ морѣ, въ Константинополь можно было гораздо скорѣе поспѣть русскому флоту изъ Севастополя, чѣмъ союзному изъ Безики. Но русскимъ главнокомандующимъ въ Дунайскихъ Княжествахъ и за Кавказомъ Порта не сдѣлала офиціального заявленія обѣ объявленной войнѣ. Вотъ почему, въ Азіи, Турки вездѣ могли захватить Русскихъ врасплохъ, пока турецкій манифестъ, кружнымъ путемъ чрезъ Вѣну, слѣдовалъ въ Петербургъ. Только на Дунаѣ, два дня спустя послѣ объявленія войны, 27-го сентября (6-го октября), турецкій главнокомандующій Омеръ-паша предупредилъ русскаго главнокомандующаго, князя Горчакова, письмомъ, что, въ случаѣ неочищенія Дунайскихъ Княжествъ, въ *двухнедѣльный срокъ*, турецкая армія откроетъ военные дѣйствія. Князь отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ приказаній вступать въ переговоры ни о мирѣ, ни обѣ открытии военныхъ дѣйствій, ни обѣ оставленіи Княжествъ; между тѣмъ, 29-го сентября (8-го октября), лондонскій кабинетъ приказалъ адмиралу Дундасу предупредить русскаго адмирала въ Севастополѣ, что англій-

скій флотъ будеть защищать терріорію Турції противъ всякаго покушенія Русскихъ высадить на нее свои войска или всякаго другого враждебнаго противъ нея дѣйствія нашего флота. Приказаніе это было исполнено гораздо позже, только послѣ Синопскаго сраженія. Однако, въ концѣ сентября, барону Брунову было заявлено лордомъ Абердиномъ, что хотя онъ и успѣлъ не допустить немедленного вступленія англійскаго флота въ Черное море, но всякая попытка Русскихъ противъ какого бы то ни было турецкаго порта немедленно будеть имѣть послѣдствіемъ принятіе этой мѣры. 15-го (27-го) октября Кларендонъ сообщилъ депешей Сеймуру, что англійской эскадрѣ поручено защищать турецкую терріорію и не допускать нападенія на нее со стороны нашихъ морскихъ силъ. Само собою разумѣется, императорскій кабинетъ не призналъ правъ Англіи на такую волющую защиту нашего непріятеля безъ объявленія войны.

Несмотря на протесты русской дипломатіи, лордъ Абердинъ остался непоколебимъ въ установленномъ имъ принципѣ, что Англія, безъ объявленія войны Россіи, принимаетъ на себя защиту турецкой терріоріи противъ всякаго нападенія на нее русской эскадры.

Итакъ, немедленно по объявленіи Турціею войны Россіи, Англія, а за нею и Франція наложили на Черноморскій флотъ ограниченіе ея правъ воюющей державы, предоставляемъ ей пользованіе этимъ правомъ только на сухомъ пути...

Но Россія, въ то время, не имѣла въ виду воспользоваться немедленно этимъ милостивымъ разрѣшеніемъ лондонскихъ торгашей. Петербургскій кабинетъ объявилъ, что, насколько возможно, онъ ограничится одною обороною. По мнѣнію тогдашняго намѣстника Царства Польскаго, оборонительное положеніе представляло намъ слѣдующія выгоды: «мы не поссоримся съ Европою, не остановимъ торговли, не помѣшаемъ дипломатическимъ сношеніямъ, коихъ результаты могутъ быть для насъ выгодны... никто нынѣ въ Европѣ не хочетъ войны, а наше положеніе, между прочимъ, день ото дня дѣлается лучше».

Не смотря на появление союзныхъ флотовъ въ Босфорѣ, не смотря на известныя намъ посылки, въ громадныхъ размѣрахъ, всякаго рода оружія изъ Англіи и изъ Франціи въ Турцію *), не смотря на присутствіе безчисленныхъ французскихъ офицеровъ не только въ арміи Омеръ-пashi, но и во всѣхъ турецкихъ крѣпостяхъ по Дунаю,—у насъ еще не принимались никакія серьезныя мѣры къ отпору столь явно грозившей намъ опасности со стороны западныхъ державъ. Выставленныхъ нами силъ далеко не было достаточно даже противъ одной Турціи, а мы все еще увлекались немыслимою надеждою на миролюбіе Европы и, вмѣсто того, чтобы вооружаться, продолжали переговариваться! Западныя державы охотно поддавались этой благодушной наклонности нашей въ полной увѣренности, что, рано или поздно, турки принудятъ насъ выйти изъ нашего предвзятаго долготерпѣнія, вызвавъ съ нашей стороны необходимость какого-нибудь энергического дѣйствія, и такимъ образомъ осуществлять программу, преподанную парижскимъ кабинетомъ своему представителю въ Константинополѣ. «Мнѣ не нужно повторять вамъ, м. г., — писалось изъ Парижа — что въ высшей степени необходимо оставить петербургскому кабинету *всю отвѣтственность за починъ нападенія. Только въ этомъ случаѣ показается вполнѣ законною и дѣйствительною поддержка, которую мы намѣрены оказать Портѣ.* Только въ этомъ случаѣ, мы *покажемся защитниками въ духѣ своемъ нарушенного трактата 1841 года и оплотами европейскаго равновѣсія...* Дѣло, за которое мы вооружились, окажется дѣломъ *всего міра и общественное мнѣніе, какъ и кабинеты, станутъ на нашу сторону!*.. Возможно ли болѣе наглымъ образомъ высказать, что всѣ эти пресловутыя «великія идеи», коими дѣйствительно мотивировалось впослѣдствіи объявление войны Франціею

*.) На *вспахъ* отбитыхъ нами при Башъ-Кадыкларѣ турецкихъ ружьяхъ было французское клеймо, а на отбитыхъ тамъ 24-хъ орудіяхъ, также какъ и на безчисленныхъ ящикахъ и на сѣдахъ регулярной кавалеріи — англійскія клейма (отъ очевидцевъ).

Россії, были ве что иное, какъ предлоги и ловушки, имѣвшія цѣлью дурачить общественное мнѣніе и кабинеты Европы призрачною лициною «законности»...

Такова была со стороны Франціи цѣль продолженія перегово-ровъ о мирѣ, а петербургскій кабинетъ все еще лъстилъ себя на-деждой, что его «положеніе, день ото дня, оказывается лучше»! Эти надежды внутри Россіи сказывались самою немыслимою без-печностью: мы довольствовались мобилизациею двухъ корпусовъ; не имѣя никакой правильной системы резервовъ, мы не думали уси-лить наличнаго состава арміи новымъ наборомъ, мы не думали даже запасаться порохомъ и другими боевыми потребностями, въ коихъ у насъ уже тогда предвидѣлся недостатокъ! Въ самой Турціи, послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Румыніи, у насъ оказалось въ строю не болѣе 55,000 человѣкъ, растянутыхъ на огромномъ про-тяженіи отъ устьевъ Дуная до Малой Валахіи, а у Омеръ-паши было въ Придунайской Болгаріи уже до 130,000 человѣкъ, и съ трехъ частей свѣта безпрестанно прибывали къ нему подкрѣпленія, вооружаемыя Англіею и Франціею. Еще отчаяннѣе было наше по-ложеніе на азіатской границѣ: намѣстникъ кавказскій, князь Во-ронцовъ, доносилъ, что онъ можетъ выставить противъ Турціи не болѣе четырехъ батальоновъ, и хотя съ тѣхъ поръ подоспѣла къ нему на подкрѣпленіе 13-я дивизія, — часть ея немедленно была распределена не по границѣ, а по нашимъ оборонительнымъ ли-ніямъ съ горцами, отъ которыхъ, подъ вліяніемъ дѣятельной про-pagанды турецкихъ эмисаровъ, особенно въ доступныхъ имъ съ моря горахъ западнаго Кавказа, можно было ожидать скораго уси-ленія набѣговъ на наши владѣнія.

Въ виду угрозы въ письмѣ Омеръ-паши русскому главнокоман-дующему, пришлось: озаботиться охраненіемъ всего теченія Нижняго Дуная и придвигнуть къ предстоявшему театру войны часть распо-ложенной у Измаила рѣчной флотиліи, подъ командою контрѣ-ад-мирала Мессера. На пути отъ Измаила къ Галацу флотиліи пред-стояло пройти подъ огнемъ праваго берега Дуная, вооруженнаго

сильною артиллерию, на разстояніи отъ Тульчи до Исакчи. Турецкими работами руководилъ въ этомъ мѣстѣ французскаго генерального штаба полковникъ Маньянъ, который, въ упоеніи отъ призрачнаго успѣха своихъ трудовъ, донесъ, что «мимо Исакчи не пролетить и птица безъ его позволенія». Слухи о силѣ береговыхъ укрѣпленій Исакчи побудили русскаго главнокомандующаго, князя Горчакова, приказать, чтобы движеніе нашей флотиліи производилось не иначе, какъ ночью. Но, по убѣжденію всѣхъ опытныхъ моряковъ, приказаніе это не соотвѣтствовало техническимъ условіямъ дѣла. Самъ начальникъ готовившейся экспедиціи, капитанъ-лейтенантъ А. Ф. Варпаховскій, просилъ о разрѣшеніи ему пройти не ночью, а днемъ. Какъ весьма справедливо замѣчаетъ г. Шестаковъ, «внезапности въ этомъ случаѣ быть не могло. Шумъ колесъ и искры пароходовъ открыли бы ихъ въ-время; слѣдовательно, темнота увеличила бы только невыгоды съ нашей стороны, подвергая флотилію опасности плаванія по узкой, извилистой рѣкѣ». Это соображеніе было тѣмъ болѣе основательно, что, какъ слѣдовало ожидать, у турокъ были наведены заблаговременно всѣ орудія на извѣстный имъ узкій фарватеръ Дуная. Командовавшій въ Измаилѣ генералъ Лидерсъ разрѣшилъ испрашиваемое моряками отступленіе отъ буквы приказанія главнокомандующаго.

Въ составъ этой опасной экспедиціи входили: два парохода — *Прутъ*, вооруженный четырьмя 36-ю-фунтовыми коронадами, *Ординарецъ* — четырьмя, и 8 канонирскихъ лодокъ съ двадцатью четырьмя 24-хъ-фунтовыми пушками и четырьмя фальконетами. Для прикрытия машинъ отъ выстрѣловъ, у самыхъ бортовъ пароходовъ было на буксирѣ шесть лодокъ. Въ видѣ диверсіи, были выставлены у Сатунова четыре батарейныя орудія. Опасность движенія еще увеличивалась: медленностью хода — въ $2\frac{1}{2}$ узла — пароходовъ, буксировавшихъ непосильное имъ число лодокъ, и вѣтромъ, закрывавшимъ дымомъ всѣ непріятельскія батареи, тогда какъ мачты пароходовъ, даже и безъ заблаговременной наводки непріятельскихъ орудій, всегда представляли имъ вѣрную цѣль.

Въ 8^{1/2} часовъ утра, 11-го (23-го) октября, голова нашей колоны показалась въ виду турецкихъ батарей. Въ самомъ началѣ боя, храбрый Варпаховскій былъ убитъ ядромъ на кожухѣ парохода. Не смотря на потерю главнаго начальника, не смотря на учащенный, адскій огонь стоявшихъ за укрѣплѣніями 27-ми орудій огромнаго калибра, — въ 10 часовъ утра наша флотилія вышла изъ подъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Мы потеряли всего: убитыми — одного офицера и 14 низкихъ чиновъ, ранеными — 5 офицеровъ и 55 низкихъ чиновъ. Вслѣдствіе нашего огня, городъ Исакча загорѣлся, укрѣплѣній лагерь, подъ крѣпостью, почти совершенно разрушенъ и занимавшія его войска разбѣжались...

Черноморскимъ морякамъ осталось утѣшеніе, что *первая* кровь, пролитая въ войнѣ 1853 года, текла въ жилахъ собрата по оружію.

Удивительно, что о придвиженіи нашей флотиліи къ Галацу никто не подумалъ, въ продолженіи нашего семимѣсячнаго пребыванія въ Румыніи, до получения письма Омеръ-паши, извѣщавшаго о неминуемомъ открытии военныхъ дѣйствій!

Девять дней спустя, 20-го октября, турки имѣли случай оцѣнить по достоинству, какъ великъ былъ подвигъ флотиліи Варпаховскаго. Пользуясь густымъ туманомъ, нѣсколько турецкихъ судовъ съ пароходомъ пытались спуститься отъ Рущука внизъ по Дунаю. Но всего *четыре* русскихъ *полевыхъ* орудія, *не прикрытыя никакими укрѣплѣніями*, принудили ихъ отказаться отъ этой попытки.

Наконецъ, 23-го октября (4-го ноября), состоялось славное для нашихъ войскъ, но почти непостижимое по оплошности общихъ распоряженій, Ольтеницкое сраженіе. Наши охотники уже были во рву укрѣплений; Турки уже свозили съ ретраншементовъ орудія до такой степени поспѣшно, что *не могли преслѣдовать своимъ огнемъ наше отступленіе*; турецкая пѣхота и кавалерія уже бросились къ Дунаю — какъ вдругъ начальникъ отряда, генералъ Даненбергъ, сообразилъ, что, даже и по занятіи укрѣпленій, намъ

нельзя будетъ оставаться въ нихъ, такъ какъ ихъ обстрѣливали съ праваго берега крѣпость Туруткай и батареи!

Межу тѣмъ, наканунѣ было сдѣлана рекогносцировка всей этой мѣстности!

Характеристично для тогдашней эпохи было и то, что вся неудача Ольтеницкаго дѣла вызвала замѣчанія только насчетъ пагубности отступленій отъ *Воинскаго Устава*, особенно насчетъ несоблюденія установленныхъ дистанцій между линіями, что и было «поставлено на видъ» Даненбергу съ подтвержденіемъ всѣмъ начальникамъ частей: «впредь держаться въ точности тактическихъ правилъ, утвержденныхъ Уставомъ»...

Ольтеницкая неудача была для насъ фактъмъ тѣмъ болѣе прискорбнымъ, что мы имѣли дѣло и съ турецкою ложью, и съ предвзятою ненавистью западной Европы, всегда готовою эксплоатировать эту ложь въ смыслѣ униженія всего русскаго, злорадствовать нашей неудачѣ и пользоваться ею, чтобы забрасывать грязью русское знамя и русскаго солдата! Ольтеницкое сраженіе было ославлено въ цѣлой Европѣ пораженіемъ на-голову русской арміи, будто бы, постыдно бѣжавшей отъ Турукъ; еще недавно Турки гордились имъ какъ доказательствомъ ихъ яко бы несомнѣннаго боевого превосходства надъ Русскими—что, какъ известно, сильно способствовало въ 1876—77-мъ годахъ развитію въ Туркахъ военнаго задора, оказавшагося гибельнымъ для нихъ же...

Къ счастію, на противоположной оконечности театра войны, въ Азіи, наши кавказскіе богатыри, руководствуясь единственно своею боевою опытностью и вовсе не думая о соблюденіи высоко цѣнныхъ тогда на Дунаѣ «правилъ *Воинскаго Устава*», то и дѣло поражали Турукъ. Правда, пока на границѣ нашей, за не-полученіемъ свѣдѣній объ объявленіи войны, еще не были приняты необходимыя предосторожности, огромныя полчища Турукъ, въ ночь на 16-ое октября, напали врасплохъ на стоявшій въ мирномъ положеніи пограничный постъ Св. Николая, занятый всего 225-ю человѣками линейнаго баталіона, при двухъ орудіяхъ. Овладѣвъ

этимъ постомъ, несмотря на геройскую защиту ничтожного числомъ гарнизона, Турки замучили іеромонаха Серафима, служившаго молебенъ во время битвы, и предались надъ остальными плѣнными всѣмъ ужасамъ, присущимъ ихъ звѣрскимъ инстинктамъ, въ которыхъ о пресловутомъ «магометанскомъ фанатизмѣ», конечно, столько же можетъ быть рѣчи, какъ если бы говорилось о «фанатизмѣ» сорвавшагося съ пѣни тигра или барса...

Какъ въ Азіи, такъ и на Дунаѣ Турки начали военные дѣйствія *до срока, назначенного Омерѣ-пашей въ его письме князю Горчакову.*

Но ни вѣроломство, ни звѣрскія неистовства Туровъ на посту Св. Николая не вызвали ни малѣйшаго негодованія въ просвѣщенной и христіанской Европѣ.

Напротивъ: лицемѣрная Англія—миссіонеры и нравоучительныя книги которой проповѣдуютъ, будто православіе лишено «основной мысли христіанства», поэтому «необходимо сперва *охристіанити* *самихъ христіанъ Сирійскихъ*, а потомъ уже язычниковъ *)— съ восторгомъ привѣтствовала извѣстіе о неистовствахъ на посту Св. Николая какъ доказательство «геройства» Туровъ и «малодушія» Русскихъ, «не отразившихъ штурма на защищаемую ими крѣпость».

Попытки Туровъ совершить подобные же подвиги по долинѣ Арпачая побудили князя Бебутова, только что замѣстившаго князя А. И. Барятинскаго въ командиніи собранными у Александрополя войсками, выслать вверхъ по Арпачаю всего шести-тысячный отрядъ съ 28-ю орудіями, подъ начальствомъ князя Орбеліани. Отрядъ шелъ противъ всѣхъ «правилъ *Воинскаго Устава*», даже безъ авангарда, съ пѣхотою и батарейными батареями впереди, а кавалеріею съ конною артиллерией сзади, въ прикрытии обоза, по волнистой мѣстности, пересѣченной болотистыми канавами,—какъ вдругъ, верстахъ въ десяти отъ Александрополя, у селенія Баян-

^{*)} См. *Русскій Архивъ* 1878 г., № 7.